

**СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ» МУНЪИН
В КОНТЕКСТЕ КОНФУЦИАНСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей содержания и значения понятия «человек культуры» в средневековой Корее, имеющего большое значение в философско-этическом учении, культуре и искусстве стран Восточной Азии. Специфика этого понятия рассмотрена в контексте конфуцианской трансформации корейского общества.

Ключевые слова: конфуцианство, «человек культуры», *вэньжэнь*, *мунъин*, Корея, Чосон, Корё, комплекс «цитра-шашки-каллиграфия / литература-живопись».

Понятие 文人 «человек культуры» (кит. *вэньжэнь*, кор. *мунъин*, яп. *бундзин*) занимает важное место в философско-этических учениях, литературе и культуре стран Дальнего Востока. Исследование этого понятия дает богатый материал для изучения этнической истории, мировоззрения, искусства и игровых традиций народов Восточной Азии, а также позволяет выявить историко-культурные связи между странами обширного региона.

Представителей этого сообщества интеллектуалов, зарождение которого в самом широком понимании относится ко времени формирования конфуцианского учения в Китае (VI–V вв. до н. э.), характеризовали глубокие познания в области истории, словесности, искусства, ритуала. «Люди культуры», осознавая свою «избранность», создавали общества единомышленников, где беседовали о поэзии и драме, творениях каллиграфов и живописцев, любовались антикварными вещами, музицировали, играли в шашки и шахматы. Соединенные с живописной картиной и каллиграфически исполненные поэтические надписи на свитках, веерах, ширмах, сосудах, стелах – признанные достижения «человека культуры» в странах Восточной Азии [Войтишек и др., 2010. С. 110].

С позиций современной культурной антропологии, «человек культуры» – это ученый-интеллектуал, «воплотивший в себе культурное начало», «культивирующий, возвращающий сам себя» [Малявин, 2003. С. 80]. Очевидно, такое понимание сформировалось со времен Конфуция, который, опираясь на традиции чжоуских канонов в отношении понимания *вэнь* (подробнее см.: [Кравцова, 2004. С. 7–9]), отстаивал культ знаний в своих высказываниях.

Так, в основополагающем памятнике «Беседы и суждения» («Лунь юй»), излагающем взгляды Конфуция, можно найти немало высказываний философа о природе и сущности понятия 文 *вэнь*. Н. И. Конрад на основе анализа этого текста делал вывод, что древний мудрец выделял в человеке две стороны – природные свойства его природы (質 *чжи*) и свойства, приобретенные им посредством воспитания и образования (文 *вэнь*). Уклонение в ту или другую крайность философ считал недопустимым: в случае преобладания естественности получалось дикарство; в случае, если одерживала верх воспитанность, получалась одна пустая ученость [История всемирной литературы, 1983]. Вот когда «воспитанность и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем» [Лунь юй, 1972. С. 152].

Вероятно, именно такая трактовка легла впоследствии в основу понятия «человек культуры», окончательно сложившегося в Китае в средние века, когда конфуцианское слово 君子 *цзюнцизы* («человек высоких достоинств», «благородный муж») стало употребляться наряду с 文人 *вэньжэнь*. В. В. Малявин указывает на два фактора, непременно сопровождавших жизнь средневекового «человека культуры»: «чиновничья служба и свободное служение музам», т. е. занятия, опирающиеся на владение разнообразными формами досуга и приносящие радость творчества. Такое состояние В. Малявин называет «праздностью» высокой степени духовности, имеющей отношение не к лености и безделью, а к стихии игры, бесконечному открытию горизонтов своего опыта [2003. С. 81–95].

Вслед за сменой династий в истории Китая менялось и значение этого понятия. Исследователями были выдвинуты различные его интерпретации, однако основным содержательным моментом, позволявшим отнести того или иного чиновника к сообществу *вэньжэнь*, считалось стремление его представителей к знаниям в области истории, словесности и к сочинению литературных произведений.

Что касается корейской духовной культуры, то ее специфика во многом обусловлена положением Кореи в географическом пространстве и целым рядом историко-культурных факторов. Примерно с III в. до н. э. по IX в. н. э. корейцы транслировали на японский архипелаг основные достижения материковой материальной и духовной культуры, что дает основание предположить, что при этом довольно рано, вместе с влиянием и развитием конфуцианства, были заимствованы и успешно адаптированы на корейской и японской почве идеи и образы, связанные с китайским понятием «человек культуры» [Войтишек, 2011. С. 165].

Оставив пока в стороне особенности развития этого понятия в японской культуре, обратимся к корейскому материалу. Хронологические рамки данной работы охватывают I в. до н. э. – X в., что в современной южнокорейской периодизации соответствует периоду древней истории Кореи, который, в свою очередь, подразделяется на периоды Трех государств и Объединенного Силла [Тихонов, Кан Мангиль, 2011. С. 524].

Отечественные востоковеды, занимающиеся изучением особенностей развития конфуцианства и неоконфуцианства в Корее, посвятили немало трудов этой сложной теме. Среди них можно отметить работы таких известных исследователей, как И. А. Толстокулаков, Г. Н. Ким, В. С. Хан и др. В этих трудах подробно рассматриваются не только идеи философско-этического учения и историческая канва событий, связанных с утверждением конфуцианства как основной идеологии и формированием конфуцианского государства на Корейском полуострове в период династии Ли эпохи Чосон. Там подробно описывается процесс формирования национальной культуры с конфуцианским стержнем, дается ответ на вопрос, почему буддизм, несмотря на высокую популярность, в указанный период не смог конкурировать с официальным конфуцианством.

Так, И. А. Толстокулаков в статье «Культура государства Чосон» отмечает, что утверждению конфуцианства в качестве официальной идеологии в корейском обществе способствовала острая потребность в знаниях, необходимых для ведения государственных дел. Интеллектуальная и административная элита не приняла буддизм, поскольку он не соответствовал потребностям времени и мешал населению концентрироваться на решении практических жизненных проблем. Развитию конфуцианства способствовала и забота об утверждении выгодных власти моральных принципов с целью регулирования человеческих отношений и норм поведения, и, наконец, о легитимности самой власти. Корейская администрация на примере Китая видела, что представители конфуцианства способны решать данные проблемы, и это обеспечивало им расположение и покровительство феодального государства¹.

Вопросы, связанные с конфуцианской трансформацией корейского общества, подробно рассматриваются и в зарубежной науке. В частности, заслуживает внимания труд профессора Киотоского университета Кан Чэына (Kang Jae-eun) «Две тысячи лет корейского конфуцианства» («Two Thousand Years of Korean Confucianism») [2006]. В этой работе автор описывает

¹ Толстокулаков И. А. Культура государства Чосон // Сайт «Вся Корея», где опубликованы материалы по истории и культуре страны. URL: <http://www.all-korea.ru/knigi-o-korei/igor-tolstokulakov/> (дата обращения 13.02.12).

особенности проникновения и адаптации конфуцианской идеологии в Корею, а также затрагивает вопрос, насколько конфуцианские идеи отвечали общественно-политическим задачам на разных этапах истории Кореи.

Исследователь рассматривает примеры бытования конфуцианской идеологии в эпоху Корё и Чосон и анализирует различные факторы, обусловившие предпочтения корейской элиты в отношении к конфуцианству. В частности, называются такие важные факторы, как наличие логики в этом учении, соответствие конфуцианских категорий (преданность, сыновняя почтительность, доверие, гуманность) интересам правящего класса, единство внутренних нравственных принципов и внешних социальных правил и пр. Кан Чэын отмечает, что эпоху Корё можно назвать временем полемики двух идеологий – конфуцианства и буддизма [Kang Jae-eun, 2006. P. 78].

По мнению корейского исследователя Хан Ёнью, становление династии Ли совпало по времени со сменой аристократического правления бюрократическим. Соответственно место буддизма заняло конфуцианство, что, в свою очередь, привело к «культурной революции». Чон Доджон, стоявший во главе критиков буддизма, в 1398 г. создал трактат «Пульсси чапён» («Разнообразные превращения Будды»), появление которого знаменовало расцвет конфуцианской политики [Хан Ёнью, 2010. С. 287].

Критика буддизма также отчетливо прослеживается в 28 наставлениях главы правительства Корё *мунхасиджун* (должность министра первого ранга) *Чхве Сынно* (927–989) вану *Сонджону* (981/982–997). Содержание этих наставлений сводится к рекомендациям о том, как укрепить верховную власть и обеспечить присутствие ее представителей даже на самых низких постах в провинции. Обратимся к тексту памятника.

«...Думайте о красоте совершенства так, чтобы сделать начало хорошим, не следует отдыхать, даже если каждый день предназначен для отдыха... Не думайте высокомерно о себе, даже будучи правителем и находясь в большом почете... Удача придет сама без усилий, так же и несчастье исчезнет само собой без страстного желания этого...» (цит. по: [Kang Jae-eun, 2006. P. 95]).

Фраза «несчастье исчезнет само собой» трактуется корейским исследователем Кан Чэын как предостережение правителю не увлекаться буддизмом.

Среди прочих важными причинами критики буддизма указывались антиправительственные действия буддистских монахов (неуважение к чиновникам, разбой на станциях и постоянных дворах) и непомерные траты средств из государственной казны на строительство роскошных храмов и проведение праздников. В связи с этим важной задачей, поставленной и решенной министром Корё Чхве Сынно, стало размежевание буддизма и конфуцианства, предотвращение причин их смешения и объединения.

Обратимся снова к тексту наставлений вану Сонджону.

«...И конфуцианство, и буддизм полезны, но они не должны восприниматься как единое целое. Практика буддизма – это основа нравственного воспитания, практика конфуцианства – это основа управления государством. Очищение ума нужно в жизни следующей, а крепкое государство уже сейчас. Завтра дальше, чем сегодня. Так разве не правильно заниматься тем, что близко?» [Ibid. P. 94].

Таким образом, в начале эпохи Корё буддизм был признан второстепенным идеологическим направлением по отношению к конфуцианству.

Наряду с вышеупомянутым трудом необходимо отметить монографию профессора Лондонского университета Мартини Дойхлер «Конфуцианская трансформация Кореи. Исследование общества и идеологии» (Duechler M. «Confusian Transformation of Korea. A Study of Society and Ideology») [1992], изданную при участии Гарвардского университета. В этом труде автор описывает общество эпохи Корё до приобретения неоконфуцианством статуса государственной идеологии, а также ситуацию в Корею периода Чосон династии Ли, на который как раз приходится пик развития неоконфуцианства и «бум учености». Так, законопроект, который предусматривал внесение изменений в жизнь корейского общества в соответствии с неоконфуцианской идеологией, издан в 1392 г., когда было основано государство

Чосон династии Ли. В ходе его реализации к середине XVII в. были достигнуты поставленные цели.

До исследования М. Дойхлер в зарубежной литературе по истории Кореи не было работ, в которых так подробно был бы рассмотрен процесс сопротивления общества того времени неоконфуцианским изменениям. Чтобы объяснить, какие аспекты жизни общества периода Корё, предшествующего периоду Чосон, не устраивали реформаторов и почему, М. Дойхлер с позиций социальной антропологии объясняет такие явления, как поклонение предкам, траур, наследование, брак, а также анализирует положение женщин и формирование наследственных групп. Она прослеживает сдвиги в общественно-политических структурах, происходившие под влиянием неоконфуцианских идей, отмечает кумулятивный эффект изменений с течением времени, в результате чего формулирует ряд выводов об особенностях социальной и идеологической ситуации корейского общества эпохи Чосон.

Г. Н. Ким и ряд других специалистов по истории Кореи считают, что духовная жизнь населения полуострова до проникновения из Китая философско-этического учения уже носила конфуцианский характер. Культ предков, в том виде, в котором он существовал у протокорейцев, не противоречил основным идеям философско-этической системы конфуцианства. Именно этот факт и послужил причиной успешного старта конфуцианской трансформации всех сфер корейского общества².

Конфуцианские классические произведения проникли на Корейский полуостров вместе с ранними образцами китайской письменной литературы до нашей эры. Вероятно, общие конфуцианские представления вместе с иероглифической письменностью были переданы представителям знати протокорейских племен во время существования на Корейском полуострове китайской колонии Лолан (108 г. до н. э. – III в. н. э.).

К IV в. н. э. на полуострове окончательно сформировались государства Когурё, Пэкче и Силла. В письменных памятниках этих государств уже содержалась информация, свидетельствующая о раннем влиянии конфуцианства. Так, согласно предположениям большинства современных российских и зарубежных корееведов, первые упоминания о конфуцианстве в Корею встречаются как раз в древних корейских источниках эпохи Объединенного Силла (668–935): «Хэдон Коги» 海東古記 («Древние записи [истории] Восточных пределов»), «Самхан Коги» (三韓古記 «Древние записи трех Хан»), «Силла Коги» (新羅古記 «Древние записи Силла») (см. работы Г. Н. Кима, В. С. Хана, М. Н. Пака и др.). К сожалению, указанные сочинения не сохранились для потомков, в связи с чем трудно говорить с определенностью о влиянии конфуцианской морали на раннее корейское общество.

Исходя из этого, более правомерно считать самым первым источником, свидетельствующим о делах корейской древности с конфуцианских позиций, хроник «Самгук саги» (三國史記 «Исторические записки трех государств»). Памятник создан в 1145 г. придворным историографом Ким Бусиком, который написал книгу «правильных поступков для будущих поколений», взяв за основу исторические сведения о трех государствах Корейского полуострова [Kang Jae-eun, 2006. P. 25].

Как сообщается в главе «Когурё Понги» (高句麗本紀, «Анналы Когурё») «Исторических записок трех государств» Ким Бусика, 17-й когурёсский ван 小獸林王 Сосурим (371–384) основал Национальную конфуцианскую академию 太學 «для культивирования благородных людей, способных укрепить конституцию» [Ibid. P. 37]. Именно факт основания академии явился поворотным моментом, началом конфуцианской трансформации всех сфер жизни корейского общества.

По свидетельству ученых, помимо Национальной академии действовали и частные конфуцианские академии, создаваемые в провинциях. По-видимому, еще раньше подобные учебные заведения появились в государстве Пэкче [Ibid. P. 59].

Конфуцианизация затронула все сферы жизни корейского общества. После объединения трех государств в 682 г. был образован Государственный конфуцианский университет, где

² Ким Г. Н. История религий Кореи. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/fgvb2rtf.shtml (дата обращения 29.01.2012).

на всех факультетах в обязательном порядке преподавали учение Конфуция. Во времена династии Тан (712–756) многие корейские ученые-конфуцианцы и буддистские монахи учились в Китае, перенимая нормы научной, социально-политической и религиозной культуры.

В 778 г. в Корею под влиянием конфуцианских идей была введена система государственных экзаменов по китайскому образцу, что позволило поставить образование под государственный контроль, а науку на службу государству. По утверждению южнокорейских ученых, в период позднего Силла (779 – начало X в.) корейская элита познакомилась с литературой и культурой китайской династии Тан и восприняла ее нравственные установки. В «Истории династии Тан» («Тан шу») в главе о Силла написано: «Силла – страна добродетельных людей. Они хорошо знают композицию, используют образные выражения из китайской классики и изречения ученых... многие из силласцев хорошо играют в облавные шашки *вэйци*...» (цит. по: [Kang Jae-eun, 2006. P. 63]).

Несмотря на то, что наиболее сильные позиции на Корейском полуострове конфуцианство стало занимать только в эпоху Чосон (1392–1910), когда оно служило основой политической и образовательной систем государства [Kang Jae-eun, 2006. P. 1], именно с периода позднего Когурё (901–918) китайское неоконфуцианство стало движущей интеллектуальной силой, под воздействием которой возник новый общественный слой с особым представлением об общественной и культурной организации – слой ученых-конфуцианцев, «людей культуры» *мунъин*.

Как представители интеллектуальной элиты «люди культуры» на протяжении многих сотен лет в Китае и Корее играли важную роль в управлении государством, осуществляя на практике основные философско-этические постулаты конфуцианства. Появлению класса ученых-интеллектуалов в Корее так же, как в Китае, во многом способствовало распространение этого учения, с его каноническими текстами, обладавшими в том числе и мощным зарядом учительства, что унифицировало духовную культуру «стран конфуцианского культурного региона» [Переломов, 2007, С. 12]. Под влиянием конфуцианских идей в Китае и Корее сформировался социальный слой 師 *ши* (досл. «наставник», «учитель», «мастер»), подразумевающий своеобразную категорию протоинтеллигенции, ученых-книжников, творчество и стиль жизни которых значительно обогатили культуру синоиероглифического региона Восточной Азии. Более того, как правило, именно через высокоинтеллектуальные занятия, путем определенных морально-нравственных усилий, направленных на досуговое времяпрепровождение неординарного характера, «человек культуры» мог достичь высокой степени социализации, чему, несомненно, способствовали конфуцианские принципы общественной морали.

Что касается понятия *мунъин* и проблем его трансформации в корейской культуре, то эти вопросы до сих пор остаются малоизученными не только в отечественном востоковедении, но и в трудах зарубежных ученых. Частично этот вопрос рассматривался в монографии Е. Э. Войтишек в контексте анализа специфики понимания сущности игры и игрового поведения дальневосточных сообществ, а также в плане развития игровых традиций Кореи как части культуры региона Восточной Азии [Войтишек, 2011].

Так, в Восточно-Азиатском регионе владение различными видами интеллектуального досуга в среде чиновничества и образованной части общества считалось практически обязательным. В связи с этим с учетом синкретичности восточного мировоззрения и искусства представляется закономерным формирование в иероглифических культурах важного понятия 琴棋書画 (кит. *цин-ци-шу-хуа*, кор. *кым-ки-сэ-хва*, яп. *кин-ки-сё-га*), который буквально означает «цитра-шашки-литература (каллиграфия)-живопись». За время своего существования это понятие широко распространилось в этике и мировоззрении, литературе и культуре Китая, Кореи и Японии, особенно ярко воплотившись в живописи и прикладном искусстве [Войтишек, 2011. С. 28–29].

Уточняя содержание данного понятия для Кореи, необходимо отметить, что оно подразумевает игру на старинном щипковом инструменте *комунго*, владение каллиграфической техникой, живописными приемами и знание стратегии интеллектуальной игры в шашки *падук* (кит. *вэйци*). Такое сочетание добродетелей и талантов почиталось за образец идеального человека Средневековья, которому следовало подражать.

Таким образом, тот набор необходимых знаний и навыков, взятый на вооружение образованным корейским сословием из Китая, на основе которого впоследствии в Корее сформировался «человек культуры», был успешно освоен еще в VIII в. Конфуцианство, сыграв роль катализатора в стремлении населения Корейского полуострова к духовному единению, «рассматривая человека как члена коллектива, создало идеал образцовой личности, сочетающей в себе нравственность и культуру» [Троцевич, 2010. С. 6]. Воплощением этой образцовой личности в корейском обществе и стали ученые-интеллектуалы *мунъин*, потенциал которых еще до конца не изучен.

В настоящее время нельзя сказать, что конфуцианские идеи в Корее (и в Северной, и в Южной) забыты. Несмотря на то, что конфуцианской церкви как таковой не существует в принципе, есть все же конфуцианские организации. Регулярно проводятся ритуалы, связанные с поминовением предков, и памятные церемонии в честь выдающихся конфуцианцев прошлого. В Республике Корея до сих пор действуют свыше 200 конфуцианских академий со святилищами 鄕校 *хянгё*, где молодых людей обучают традиционным ценностям и манерам. В настоящее время университет Сонгюнган в Сеуле является признанным центром конфуцианства в стране и почитается как святилище Конфуция, где ежегодно весной и осенью проходят пышные церемонии. Так осуществляется попытка сочетать конфуцианские ценности с задачами современного общества³.

Учитывая все вышеизложенное, для комплексного анализа процессов конфуцианской трансформации в корейском обществе представляется очень важным и актуальным подробное изучение формирования и развития аспектов понятия *мунъин*, тем более что этот процесс еще не закончен.

Список литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск, 2011. 312 с.

Войтишек Е. Э., Борджигид А., Заец Ю. П. Палиндромы как традиция интеллектуальных развлечений в китайской культуре // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 4: Востоковедение. С. 109–115.

История всемирной литературы / Под ред. И. С. Брагинского. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 151–152.

Кравцова М. Е. Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 765 с.

Лунь юй / Пер. В. А. Кривцова // Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. С. 132–174.

Малявин В. В. Сумерки Дао. М.: Астрель, АСТ, 2003. 439 с.

Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 252 с.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. М.: Наталис, 2011. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. 533 с.

Троцевич А. Ф. Наставление царю цветов: высокая проза Кореи XI–XVIII веков: Пер. с кит. Серия: Золотой фонд корейской литературы. СПб.: Гиперион, 2010. 288 с.

Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд / Пер. с кор. под ред. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2010. 758 с.

Deuchler M. The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge, 1992. 440 p.

³ Ким Г. Н. История религий Кореи. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/frtrtf.shtml (дата обращения 28.01.2010).

Kang Jae-eun. Two Thousand Years of Korean Confucianism. New Jersey; Paramus: Homa & Sekey Books, 2006. 516 p.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2012

Elena E. Voytshchik, Anna S. Shmakova

**CONTENT AND MEANING OF THE CONCEPT OF «MAN OF CULTURE» *MUN'IN*
IN THE CONTEXT OF THE CONFUCIAN TRANSFORMATION OF MEDIEVAL KOREAN SOCIETY**

The main purpose of this article is to identify the features of the content and meaning of the concept of «man of culture» *mun'in*. This concept is very important in the philosophical ethical doctrine, culture, and art of East Asian countries. A specific character of this concept is considered in the context of the Confucian transformation of Medieval Korean society.

Keywords: confucianism, «man of culture», *wenren*, *mun'in*, Korea, Joseon, Koryeo, «zither-draughts-calligraphy / literature-painting» complex.